

ПАРАБОЛА

Бенигна поняла, что вот сейчас-то и настал тот час, которого ждала, верила в который с того дня, когда муж, отвернувшись, да ещё и одеяло натянув на нос, проговорил: «Ты терпенья наберись и, что б ни услышала, что б ни увидела, думай только о детях наших». И отвернулся на годы. Она все те годы молилась и всегда верила, что вернётся. Вот он и вернулся... 2-4-87

Верно, царь Пётр таким же был. С занозой... – Амвросий Дубневич боязливо оглянулся. – С занозами на ладонях. С Россией плотничал». 4-1-639

Ломоносов же восторга перед высотой воззрений столь юного философа сдержать не мог. Подхватил того и кружил над собой: – Повторяй, как сказал. Откуда это в тебе? Говори! Всё одно, вытрясу. 10 Бурса (с латинского bursa – «карман, кошелёк») – общежитие при духовном учебном заведении в дореволюционной России. Здесь бурса – общежитие Киево-Могилянской академии, открытое при Петре Могиле (1696–1647) для нуждающихся воспитанников. 616 Он ещё раз крутанул мальчика и, аккуратно посадив Сковороду на стол, тут же рассмеялся: «Раскалённую сковороду да на стол!» Вслух же попросил: – Повтори ещё, крымский хан 4-1-615

И то уж точно, что были магичка та и бесёнок тогда, как и Михайла сейчас, пусть и самую малость, но под мухой. Иначе такого не сотворить, а то бы он ту затею давно б постиг. 605 Миша запрокинул голову. Прямо над ним, на потолке, вверх лапками сидела та самая муха: «Ну, уж эту-то точно никто не рисовал». Не опуская глаз, он нащупал на лавке рушник и, привстав, хлопнул им по потолку. «Ещё хлопну по самой маленькой, – из всех одинаковых, толпившихся на столе кружек Михайла выбрал ту, что показалась ему поприместее и поуже. – И закушу. Да и проверю!» Обойдя стол, он попытался ухватить одну из тех луковиц, что не давали ему покоя. Пальцы шаркнули по стене: «А! Бесёнок малевал!» Миша вновь сел на скамью напротив окна. Отодвинул кружку: «До чёртиков напился!» 4-1-604

– Неужто все волнения из-за сломленного деревца? – Деревца? – повторил за ним владыка Феофан и, повернувшись к юноше, взял его за плечи. – Учись, Михаил, учись. Взращивай, поливай свой сад познаний. И плодами просвещения накормишь тогда всех страждущих. А яблонька? Так столько ещё наломаешь... А про эту не беспокойся. Весной привезу из своего сада новый саженец. Вместе и прикопаем. Мы, Михаил, теперь вместе должны держаться. Порознь нас быстро ломают 4-1-539

А про себя подумал: «Дверь притворилась. Все прошлые дни закрывалась, а сегодня, как Макаров с вестью этой пришёл, так притворилась... Опять играть? Притворяться. Хорошо, вторые роли в комедиях, а ну как первые, да в смертных драмах?» 4-1-481

В этот раз Василий Дорофеевич нарочно пошёл Малой Двинкой мимо Петрова детища, славы его – крепости Новодвинской: «Смотри, постылый Государь. Вот я с сыном своим. Видишь ты! Мой! Мой он!» 4-1-243

Я ведь где только не писал икон. Сколько городов, храмов видал... И скажу тебе: можно что и выше найти, а стройнее чем она, вряд ли. Она впопад. Попадает в тебя. Ввысь призывает. Ты вот стоишь, снег топчешь, а на неё глянешь – и взлететь навстречу снежинкам хочется, – Мотя указал на бело-розовый пятиглавый храм. 4-1-459

На, разогни, – сняв руку с сыновнего плеча, он протянул Мише ладонь с загнутым пальцем. Миша ту глупость и проделал – разогнул отцов указательный. – Перегнул я, – Василий Дорофеевич весело рассмеялся. – Перегнул! 4-1-243

«Эх! Сел бы сейчас на вёсла, перечерпал бы ими медленное это время».4-1-226

Подложили под себя, что помягче, тут сон и пропал. Сбежал через щёлку неплотно закрытой двери. Да сами и виноваты: крепче притворять надо было. 4-1-190

Все те вопросы у Миши, парус убиравшего, в голове осиным роем пролетели. И каждая ужалила, жало своё безответным вопросом оставив. Голова гудела: «Может, не все осы вылетели?» 4-1-164

– И тебе её не жалко? – Её-то? – Миша зубы сжал. «Её теперь есть кому пожалеть...» – Дай-ка сюда, – он протянул руку за моделью. – Передумал? Я ж говорил, жалко отдавать красивую! Ломоносов достал ножик и соскрёб с борта одну, не его уже теперь, букву 4-1-145

Куда ты, в воду? Тут остынь! Коль не остудишься, зимой съездишь. 4-1-129

И столь это всё Каргопольскому трогательно показалось... Нет, в темноте, конечно, не показалось – почувствовалось. 4-1-131

Миша на тот смех с колен вскочил, распрямился и опять головой о пódволоку ударился. А Ивану веселье: – Вот, вот! Вбивай, брат, науку в голову! 4-1-115

«Отчаливать? – Миша в отчаянии. – Китти не пришла». Вот и возился он с кормовой верёвкой, будто узла развязать не умел. «Да и как его, узел этот, что связал их, развяжешь, коль такая меж них привязанность, когда нет никого краше да милее!» А течение быстро разворачивало сойму носом на стремнину. Отец кричал: – Мишка, руби его! Руль сломит! А у него внутри всё переломано! Без руля он сам. Без ветра парус его. Вот и тянул время. За последнюю ниточку, что с берегом связывает, держался 4-1-128

И это, столь нужное для каждого кормщика, так взволновало его, что сказал себе: «Зубы поломаю, а познаю». От этих воспоминаний Миша рукой ухватился за челюсть, будто проверяя, все ли зубы целы. И тут сразу услышал со двора треск. Замечтался, а Фенька опять жердину выломала 4-1-62

Он вглядывался в ряды цифр. Переставлял их в уме местами. Складывать пытался и вычитать. Но всё напрасно... Подумалось: «Ключа не хватает. Может того, что у материнской руки тогда нашли. Большого, с затейливым ушком в головке, с мудрёным, в виде буквы Т язычком? А куда его вставлять? Где та скважина? Где заветная дверь, и что за ней? Может, подсказка в матушкином медальоне?» 4-1-61

Взялся руками обеими за поясок: «До конца жизни носить буду. Не распоясаюсь» 4-1-15

Тогда схватила с шестка нож и разрежала, разрубила узелок. Гордиев свой, иссушивший её узел: – Вот вам... Да тут же её и кольнуло: «Вот мне...» 3-150

– То на нову лошадь. Иль... – она взглянула на Васю, – на конёк резной, что крышу завершит? Вась? Хватит ли столько? 3-153

Да только Баженин тут же выхватил у него бумагу. Подумал про себя: «Та перевёрнутая буква неизвестно, что ещё перевернёт». 3-95

Как зашла с самоваром, глянула – так хоть и не живи дальше. Вот он. Рядом. Дальше-то зачем? Коль всё сразу понятно. И чай – не нечаянно. Чай – предрасположено. И тут только заваривай да пей. Причмокивай да медок черпай. Губки облизывай да вторую чашку наливай. А там и третья, а после уж и не считает никто... 3-60

– Крути, крути да присматривай! От каждого зёрнышка плёночка отшелушится. Мечтанья пустые от жизни 3-41

Ивану и на службу надо, и к сеvu готовиться. Соху подправить, коню напомнить полевое. К частым поворотам приучить. То тебе не зима, когда езжай всё прямо да прямо. Весенняя пахота – одни развороты. Весной только и успевай поворачиваться. Изгородь у дома повалилась. А скотину скоро выпустят. Она из интересу все гряды потопчет. Жерди ещё с осени заготовлены. Земля отойдёт – и городи. Ставь сосновые колья. 3-34

Шахами его обкладывали. Да и он иных – матами. 2-479

Пётр безжалостно сломал, раскатал по брёвнышку тот дом, миропорядок, храм, в котором крестили его деда, отпевали прадеда, исповедовали бабку, венчали мать с отцом, где дядя его принял причастие, где его самого крестили, где отпевали сперва отца его, а через пять лет и мать, где корону держал он при венчании сверстников своих и сам был венчан, где сына его, дочерей в купели омыли и где его отпеть должны были и детей его в их время. Раскатал, чтоб перенести на новое, видное всему миру место. Да только в спешке те брёвна, от окладного до верхнего самого, до охлупня, разметить не успели. Бегом ведь всё... И не собрать теперь уж заново. Так и кинули в сторонке, под горкой: молись на развалины, кому охота... 2-474

А тут вспомнил прощанье с ним. Задышал прерывисто и быстро: «Алёшенька! Сколь шишек за жизнь набил... Шишечка!» Отшептал: – Шишечка. Безответная тишина. «Ему бы сейчас было девять годков. Я б его уж читать выучил. И бегал бы он. Ножками бегал...Как Алёша хотел...» 2-468

Ох, не время сейчас уходить. Не время! Кому всё? Тёзке, Петру Алексеичу? Мал ещё, не потянет. За него другие потянут. В разные стороны. Растащат. 2=465

Послал и его. Но недалече. До саней. Собираться. Но ехал, чтоб следом, не в конце. 2=456

Она огладила восьмимесячную округлость: как тут вот это-то объяснишь? Вздохнула, чулочек натягивая: «Всяк по-своему в государстве великому служить должен». Великий409 же, почти одевшись, пил прямо из графина: «Вот с ней можно и вовсе за день ничего не сказать. Ну, „здравствуй“ да „прощай“, конечно. А так, меж теми словами одни взгляды да жесты. И не надо ничего. Легко всегда. Всё понимаемо. Такая ещё одна только в жизни и была. Еленушка. Так не помолчишь с ней боле. Отчего молодой умерла, сказывают, дело тёмное. Да у нас сейчас везде тёмные дела». 2-453

Макаров пояснил: – То небо. Сия сфера вращаться вокруг нас может. Да мы сейчас не будем. Тут и своего вращения хватает. Голова б не закружилась. 2-444

Плохо и вот что. Видя немощь Государя, лечение безрезультатное, часть из ближних большие ставки на Монса делала. И подносили ему не сколько ради торговых и иных дел своих, сколько ради будущего. Не будет Государя, – Алексей пристально посмотрел в глаза владыке Феофану, – так кто? Вот иные и рассчитали. Монс уже при Кате, а Катя при короне. Вся Россия под немцами. Кругом они. И без боя. Через мятые простыни. Он оглянулся на колбы с младенцами: – Уродцы заморские! Пойдём отсюда. 2-244

Макаров ответно только кивнул и поднялся с владыкой правой лестницей сразу в левое крыло: или в левое левой надо было? 2-244

Владыка Феофан, видать, неладное для себя во взгляде Макарова почуя, глазкам предательским шторы приопустил, сощурился. Глянул за окно, заметил: – Приехали. «Действительно, приехали. И я, и ты, и всё русское», – подумал Макаров. 2-442

Слова иноземные. Весьма много их за годы Петровы в Россию ввезено. Возами посуху да в трюмах. Да уж что сделано... Не назад же вывозить. Накладно станет. Да и не собрать. Намертво прилипли они к чиновничьим языкам. То простому человеку они ни к чему. А казённым людям без них и нужды не справить. Они ведь в нужник-то не ходят. Ни одного чиновника в прямопадающем нет. Они там не смогут. У них политес не тот. Они своё только в ватерклозете исполняют. 2-438

А Алёшинька первого первым и выдал. И семь месяцев уже как не было Кикина на свете. А тот почти успел достроить прекрасный свой дом недалече от дома царевича. Когда вскрылось всё, многие в эту сторону перестали ездить: тут, получается, обосновались недруги Петровы. Поедешь, да и прихватишь к себе чего. Иль на колёса налипнет. Потом не отмоешься 2-437

Глядел одним из дурных своих взглядов, не видя никого, прямо перед собой. Макаров в точку этой невидимости и встал. Подумал: «На такой-то взгляд да этот пакет сверху... Точно уьёт! Надо уходить». 2-418

Зачем всё это я? Впрочем, костоправа – соломку – себе ли, императору постелил. Уж сегодня лекарь кому-то да пригодится. Помолился. А больше что ж? Будь что будет! Держись, хоть за что-нибудь, опираться-то ведь уж не на кого, Пётр Алексеевич!» 2-417

Алексей оглянулся. Двери на ключ запер, да тут же язычок замковый назад, на место вернул: «Как потом те язычки привязать, что, подёргавшись сюда, всякое говорить начнут? Вот попал 2-416

Кошка в углу лапой отталкивала от лужи нашкодившего пёстрога. «Самим бы в лужу с учёными этими не сесть», – думал Макаров, глядя на подвыпивших академиков, отчаянно горланящих: Vivat Academia! Vivant professores! Vivat membrum quodlibet! Vivant membra quaelibet! Semper sint in flore! 2-413

Пётр жестом пригласил всех к столу: – Сегодня, любезные мои, у нас будет настоящий пир. «Скорей бы!» – мелькнуло у Блюментроста. – Пир замыслов, идей, мыслей высоких, прожектов... – Пётр с восторгом махнул рукой Черкасову, и тот начал раскладывать на столе принесённые бумаги. Нартов вынул откуда-то свои листы. 2=405

Правили против течения, наискосок к противоположному берегу. Устроившемся на носу Макарову то показалось знаком: Государь всю жизнь супротив шёл. Супротив врагов заграничных, недругов своих, себя прежнего. А до императора – последних три четверти мили – и супротив природы: ветра, брызг, волн и течения. 2-394

И уж похоже, откладывать ту судьбоносную нельзя было. От ими же предложенного гамбита³⁵⁰ уже запашок по Европе шёл. А уж дома-то! Алёшиньку всё не забывали. Пётр прикрыл нос: – Ты, владыка, хоть и в постриге, а всё ж дух от тебя – то ли девки, то ли ёлки. Думай каждый раз, что желанней. Молодки предвкушение иль Нового года! Ты сам-то определись! Поди на ту сторону 2-374

Размотала ниточку. Скатала в катышек, приоткрыла печную дверцу, и туда его. На пальчике остался след: эх! Не наследить бы! 2-370

Пряжка, как прошлого дня на сторону скосилась, так и висит. На воле государевой держится 2-370
походных. Пётр прибавил к ним солёности. Пота и моря. Иль проще: моря пота!» В комнате вдруг сразу дурно запахло, хоть форточку открывай. Иль окно, что Петром прорублено: пусть послужит. «Распахнуть? Настежь. Может, с запада чем приятным подует? Европейские дуновения 2-262

Он почти выталкивал арапа. Развернул и толкал в спину. Подталкивал его к выходу, а с ним страх свой изгонял. 2-242

Речушка невская, – и Якушка махнул шубницей куда-то в заснеженное небо. Братья так на небо то и взлетели. Удача! И тут же вознице: 2-258

Шёл по течению. Шагал в ногу с течением. Обгонял течение. И казалось ему – да так оно и было – шёл в ногу со временем. Шёл быстрее времени. 2-247

Он нашёл точку опоры, пуповину, ухватившись за которую, можно перевернуть весь мир. И пупок тот был на его животе. Вот и надрывал, рвал он его, ни себя, ни иных не жалея. А мы к Нотебургу дорогой владыки Афанасия через три недели с утиральником подойдём. 2-216

Прилив помогал – так отлив мешал. А после они местами менялись, и вредительно-помогательно дело своё продолжали. Государь ворчал на Щепотьева: – С ними почему не договорился? Поди, покидай червонцев. Утихомирь. Хватит им дышать 2-212

«Вот после батюшка-то удивится: откуда ножки на книге? Кто приделал? – Алёша улыбнулся. – Убежит книга! – руку опустил. Нащупал. – Не сбёгла» 2-206

В море! Уйти от всего, что терзало на суше. Отрезать. Оставить на берегу. Отбросить в последний момент, чтоб не успело заскочить на борт. Отвалить от причальной стенки. Убрать её. Стену сомнений, неуверенности, ожидания. 2-157

Все облегчённо хохотнули. Пётр же чуть замер: «Олёшка про себя ведь сказал. Сын со мной никогда не спорит. Всегда соглашается, уступает и, со своим мнением ко мне придя, с отцовым уходит. Эко! Вот те и лабиринт обхождений!» 2-182

Тут дверь из государевой палаты распахнулась, ударив по лицу не успевшего прикрыться комнатного стряпчего. У того носом сразу, будто только этой минуты и ожидала, пошла багровая, невинная юшка. Он склонился вперёд и, зажав нос, оставляя за собой кровавое многоточие – бегом на двор. Комнатёнку прибирали, мыли. Прибрежному ветерку приходилось труднее. Выдуть из голов липкое да многоточное – тут шторм хороший нужен. 2-127

*** Юшка – кровь.

Комар почти без нытья вонзил жало в царскую щёку. Пил без дозволения государеву кровь. Пётр сморщился, хлопнул ладонью, кровь размазал и на чуток сон отогнал. Чутка того хватило, чтоб сквозь дрёмушку поймать за крылышко иную мысль: «Не хитруй! Тебе не ради старика мириться надо. А ради своей совести. А то с кровью на руках всю жизнь и будешь засыпать». 2-126

Эх!» – Пётр, к заиндевелому окну лоб приложив, мысль накороток заморозил. 2-69

Садясь в возок у митрополичьего дома, Пётр быстро притворил за собой дверцу. И разом захлопнулось всё ростовское. Да что ростовское! 2-67

Словно волнами накатывало на слушателей. Море Петра любимое плескалось. Барашки белые виделись, пена с гребня срываема. Край земли. Море седое. Былинное. Сказы древние ожившие. Беломорье. Сиверко. Флотилия из карбасов, лодий, сойм, кочей да шняк, что он впервые у Архангельска увидал. Словно на огромном фрегате матросы паруса ставить кинулись. Ловко

карабкаясь по высокой грот-мачте, стеньгам носовой фок– и маленькой бизань-мачт одновременно и слаженно. Нет, тут не один корабль. Тут целая флотилия! Да нет же, флот!2-55

Музыка ворвалась очищающим ветром с поморского берега, с чистых песков его, с белёсого небушка, с намоленных Соловецких островов, от скрученных ветрами пляшущих берёзок его, от солью выбеленных прибрежных изб, от солнышка незаходящего, ночей белых. Голоса певчих перекликались с криками чаек, мерным скрипом уключин, шумом береговых сосен, перекатом камёшника. 2-57

Пётр всё сиднем сидел. На бумаге треугольники да пирамидки вычерчивал. Остальные, что бы ни говорили, на лист весь час неотрывно смотрели. Порешали, кому и о чём, и каким голосом в Москву писать. Перед тем как разойтись, царь внизу листа вывел: «Начало к...» Сникли все. Расхолись, в глаза друг дружке не глядели.

Зал безмолвствовал, сцена опустела. Цены на программки взлетели до невозможного. Антракт.

Царь первые ночи в Троице спал в разных местах. Нож не выпускал и во сне. Об него же под утро порезался. Откинул со злостью в сторону. Алексашка за дорожкой сбегал, примотал.2-33

Вышли на ковёр. Пётр сощурился с тусклого соборного свету.

Театр уж полон... Партер чинный, галерка, как и положено, шумит.

Народу! Как на ярмарочное представление ежедённо ходят... 2-39

От мощного рёва моторов, гудения клаксонов, звона разлетающихся зеркал сова, что сидела на высокой придорожной ели, испуганно взмахнула крыльями и, потеряв перо, полетела прочь от ночной трассы. Михаил Степанович, рванувший через кабину и выпрыгнувший с другой стороны на землю, схватил в охапку Тёмку и невестку, защищая, крепко прижал их к себе. Пёрышко, кружась, плавно опускалось к ним. Он подхватил его, вложил в ладошку внука и прошептал: – Ночной ангел пролетел.

«Три записи только за один месяц одного года, – Пётр в соответствующие клеточки занёс данные и, оглянувшись на аппетитный хруст каравая, заметил у плинтуса наполовину высунувшуюся, подрагивающую серую мордочку, и тут же для себя отметил, что котов на кресле не было. – Ну, сейчас начнётся свара.

Так и у нас, поди, неминуемо драка будет. Из-за романа. Со всех сторон набросятся. За Елену Ломоносову, что с колокольни... За Михаила, что он государев, ну, от Государя будто. За Серёжу, что мы за него. И каждый высказыватель по-своему прав будет. А почему „будет“? Уже началось. Ещё до публикации. В электронной почте письма от праведных первочитателей. Марина от меня прячет, а те строчат: 5-270

Сейчас главное так сыграть. Чтоб уж он написал... И она чтоб ответила... Чтоб Женя его, такого вот... и чтоб расстались они. А он бы после вылез... И я замуж за него... И уж я его ни за что... Я бы с ним до смерти. Я одного его всю жизнь и буду любить! 15-76

38 лет спустя Евгений Иванович и Лидия Ивановна стали мужем и женой. 5-80

Он поднялся, сделал шаг к дверям, но что-то заставило обернуться. На одном из столов ему бросилась в глаза синеватая обложка книги Юлии Высоцкой «Ем, бегу, живу». На фото в ярких красных спортивных брюках замерла в прыжке знаменитая телеведущая. Моментажно всё выстроилось в одну линию. Красная курточка в старушечьих руках, словно мулета тореадора, красные брюки красавицы на обложке, привлёкшие его внимание именем «Юлечка», её призыв бежать и жить. «Вернусь, сделаю своей Юльке предложение! А сейчас хватит дразнить судьбу. Конец корриде. Сегодня бык оставит матадора с бандерильей в дураках» 5-226

5-70

Она шаг ускорила: «Хороший парень. У них в группе ребят-то всего пятеро. Да и понятно: такая война... А он к тому же видный, высокий. Только вот скромный чересчур. Девушка у него славная. Говорят, сейчас в Ленинграде учится, и судачат, что они поженятся. У него тут от девчат отбою... А он... Вот же судьба!»

Евгения и Евгений поженились 30 января 1950 г.

Евгений Иванович из общежития переехал жить к родителям

супруги на пр. Новгородский. Евгения Ивановна

продолжила учёбу в Ленинграде.

ПАРАБОЛА АНАЛОГ

Лука, пригнувшись, выводил коня из назёмных ворот. Тот вмиг своё, зимнее понял: не надо больше телегу из глины вытаскивать. Санний полоз сам теперь побежит. Вскинул голову и заржал. 15 Марципан – заморская сладость из измельчённого миндаля и сахарной пудры. Улыбнулся Лука, похлопал, ободряя, коня по шее, поглядел вслед Еленке: «Всё наладится. Укатается. Смирится. Жизнь, она своё возьмёт. Жизнь, она любого терпеливее» 3-54

ПАРАБОЛА ТРИГГЕР

– Свой пчёлы мед несут, – забывшись, что хозяйева спят, повторил он вслух. И тут же ожила, ульем зажужжала хата. 4-1-607

ПАРАБОЛА ФИЗИЧЕСКАЯ В ПЕРЕНОСНОМ ПЛАНЕ

Никита за это время сбегал за кипятком. Дима обтёр третью кружку. Нарезанные ломти быстро исчезали, оставляя о себе на столе крохи аппетитных воспоминаний. У Миши та встреча осталась в памяти с осадком недосказанности, и главное, с раскиданными всюду крошками сомнений: «Своим ли занимаюсь? Кто я пред людьми? И главное: для себя кто я?» А вот другая... 4-2-38

Как хотелось быстрее уехать из этого города, ненавидящего сегодня своего создателя! От любви до ненависти – **одна волна**. Людям не вычерпать нагонной воды из своей памяти. И через поколения сделать это невозможно: нет таких черпаков. 4-2-53